В.К. Щербин (Минск, НАН РБ)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВКЛАДА ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СИСТЕМ В РЕШЕНИЕ ПРЕДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ЛИНГВИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ В.А. КАРПОВА)

Студентам филологического факультета БГУ, обучавшимся в 1970-е гг., профессор В.А. Карпов запомнился тем, что он нередко на занятиях ставил перед студентами «странные» вопросы, которые заставляли студенческую аудиторию надолго задуматься в поисках ответов на них. В качестве примера приведу один из таких вопросов: «Почему студенты первого курса на экзаменах дают более уверенные и осмысленные ответы, чем те ответы, которые они же дают на экзаменах несколько лет спустя, став студентами четвертого-пятого курсов?».

Приобретя некоторый жизненный опыт, вчерашние студенты сегодня понимают, что это был совсем даже не «странный», а жизненно важный для их дальнейшей судьбы экзистенциальный вопрос с намеком на то, что им надо учиться не механически, усваивая только то, что им дают на лекциях и семинарах преподаватели, а надо стремиться самим активно добывать новое знание (из учебников, справочников, научных статей и монографий, из газет и телевизионных передач, наконец), постоянно примеряя это новое знание для решения своих текущих жизненных проблем и переводя его таким образом из разряда «книжного», абстрактного знания в разряд «экзистенциального» или жизненно важного, прикладного знания. Показательно, что о необходимости постановки перед всеми студентами университета такого экзистенциального вопроса в начале 2000-х гг. писал в своей монографии и ректор БГУ, профессор В.И. Стражев: «Учебные перегрузки и в школе, и частично вузах, в аудиторной работе возникают там, где преподаватели привыкли учить по принципу: чем быстрее и плотнее загрузишь голову учащегося необходимой информацией, тем лучше его подготовишь. Это — иллюзия. На самом деле за пять лет всему не научишь. И мы должны готовить студента к тому, что учиться ему придется всю жизнь. Наша задача: определить первичный минимум — что необходимо на начальном этапе, без чего нельзя выпускать как специалиста, и научить учиться, то есть самому добывать, по мере необходимости, новые знания. Главное, чтобы студент понял: «образование — через всю жизнь», это не очередной красивый лозунг, а насущная потребность нашего времени» [10, с. 175].

Что же это такое экзистенциальные проблемы? И какое отношение они имеют к предельным проблемам лингвистики, заявленным в названии нашего доклада? На наш взгляд, исчерпывающий ответ на эти вопросы дал украинский психолог Владимир Данченко: «*Экзистенциальные проблемы* — это лежащие на стыке философии и психологии «предельные» проблемы лично переживаемого существования человека, формулируемые обычно в таких вечных вопросах, как: *Кто я? Откуда я пришел и куда иду? Что мне делать и зачем? В чем смысл моей жизни?* Иными словами, это проблемы,

возникающие в результате осознания или предчувствия человеком факта конечности, предела своего существования и поиска цели последнего, — «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы» [3].

Современное общество, которое сегодня буквально выживает в условиях информационного взрыва, с неизбежностью вынуждено ставить перед собой такие экзистенциальные проблемы о пределах человеческого познания вообще и о границах конкретных наук в частности, формулируя их как предельные проблемы разных типов. Сегодня к их числу относятся не только экзистенциальные проблемы, отражающие границы индивидуального опыта человека, но и проблемы социального характера, отражающие пределы коллективного опыта социальных групп, накопленного в разных отраслях знаний. В одной из своих статей для университетского журнала «Социология» я описал около десятка таких типов предельных проблем, рассматриваемых в различных отраслях знаний (в их числе — фундаментальные вопросы, трудные вопросы, психологические проблемы, сложные проблемы, нравственные и этические проблемы, мета-вопросы эпохи, «проклятые» вопросы, «висящие» вопросы, принципал-агентские проблемы и др.).

Все перечисленные выше типы предельных проблем объединяет то, что они каким-то образом связаны с необходимостью выхода за пределы соответствующих отраслей знаний или человеческого познания вообще, способствуя тем самым дальнейшему продвижению вперед переднего края науки, или «фронтира», как называл его американский науковед и общественный деятель Ванневар Буш. Российский философ А.А. Печенкин считает, что такие проблемы, связанные с преодолением пределов познания, следует относить к числу философских: «Поскольку обоснование какого-либо фрагмента знания, изучение его структуры и функций предполагает выход за пределы этого фрагмента, оно становится философской проблемой» [7, с. 8].

Хотя еще советская практика решения предельных проблем, связанных, к примеру, с изучением эволюции сознания, показала, что возможности философских систем (в данном случае системы диалектического материализма) в отношении решения такого рода проблем являются далеко не безграничными. Владимир Данченко в 1981 г. писал, что «философский материализм пребывает в состоянии своеобразной «экзистенциальной летаргии»: отрицая теоретическую обоснованность традиционных религиозно-идеалистических духовных поисков, критикуя существующие попытки решения экзистенциальных проблем, сам он их не только не решает, но даже не ставит. Более того, многочисленные области человеческого опыта, недоступные объективному наблюдению, в частности, связанные с так называемыми высшими состояниями сознания, оказываются «вне закона» и выпадают из сферы исследований, вследствие чего адекватное их описание и объяснение в рамках научной картины отношений человека с миром к настоящему времени отсутствует. Сложившаяся ситуация объясняется нетворческим, комментаторским характером нашей академической философии и усугубляется тем фактом, что экзистенциальные

проблемы классиками марксизма-ленинизма специально не разрабатывались, зато традиционно эксплуатировались религией и различными формами идеалистической философии» [3].

Кстати, этим же объяснялось чрезмерно критическое отношение советской философии к лингвистическому структурализму, главным принципом которого было изучение языка как системы элементов путем раскрытия структуры субстанционально не выраженных отношений между элементами. Более того, даже наиболее известным советским языковедам того времени (например, директору Института языкознания АН СССР В.М. Солнцеву, рассматривавшему язык как системно-структурное образование), доводилось писать в своих книгах оправдательные слова о том, что «лингвистика слишком много места уделяла изучению структуры в чистом виде; теперь ей предстоит вернуться к структурно-субстанциональной точке зрения на язык, но уже с новым духом и с новыми приемами, т.е. обновленной структурными методами и идеями» [8, с. 10]. По указанным выше причинам экзистенциальные и прочие предельные проблемы в книгах советских языковедов, посвященных изучению языка как системно-структурного образования, как правило, не рассматривались.

Ситуация изменилась кардинальным образом в постсоветский период, когда даже бывшие советские философы, эти «попы марксистского прихода», вынуждены были заговорить о допустимости методологического плюрализма в процессе изучения сложных научных проблем, к числу которых, безусловно, относятся экзистенциальные и иные предельные проблемы. Тем приятнее сегодня отметить, что одной из первых отечественных книг по системному описанию языка, в которых указанные проблемы не только ставились, но отчасти и решались, была монография В.А. Карпова «Язык как система» (1992), в структуре которой была даже отдельная (восьмая) глава под названием «Пределы лингвистики».

Как истинный «системщик», В.А. Карпов обратил в ней внимание на два ключевых положения, которыми обусловлена системность современной лингвистики: а) ее многоаспектность и б) ее взаимосвязанность с другими научными дисциплинами: «В конгломерате знаний о мире определить место лингвистики и ее границы — задача непростая. Наука о языке связана с человеком, отражающим внешний мир и себя как представителя этого мира. Достаточно рассмотреть только некоторые современные определения — социо/лингвистика, психо/лингвистика, нейро/лингвистика, структурная лингвистика, математическая лингвистика, — чтобы увидеть многоаспектность науки о языке. …Введение такого понятия, как «мозг», естественным путем связывает лингвистику с массой литературы нелингвистической от Сеченова, Павлова, Анохина, Поршнева до Арбиба («Метафорический мозг») и Прибрама («Языки мозга»). При такой ситуации остается принять тезис о том, что любая граница, проведенная из кастовых интересов, будет тормозить познание, станет некорректно поставленным барьером на пути к истине» [4, с. 230].

В то же время В.А. Карпов полностью осознавал тот факт, что «в одной книге, даже обобщающего характера, нельзя объять необъятное» [4, с. 230].

Поэтому, в отличие от некоторых современных белорусских лингвистов, бодро рапортующих сегодня о том, что «у науки нет очевидных и строго регламентированных границ. В этом плане и в этом смысле возможности познания наблюдаемого объекта бесконечны» [11, с. 11], В.А. Карпов указал на ряд очевидных ограничений в человеческом познании окружающего нас мира и, соответственно, в познании языка, посредством которого этот окружающий нас мир описывается. В частности, им намечены следующие пределы человеческого познания мира и языка:

1) *первый такой предел обусловлен уровнем развития научно-теоретической, методологической и инструментальной базы такого познания*: «Определенные ограничения даже при целенаправленном познании налагаются уровнем развития научно-теоретической, методологической и инструментальной базы... Неполнота знания о мире, таким образом, предопределена на всех мыслимых уровнях — от объема полученной информации до скорости и качества ее переработки» [4, с. 37–38];

2) *второй такой предел познанию создается на наших глазах процессами растущей дифференциации и специализации наших знаний о мире и языке, подрывающими их системность:* «Углубление познания в конкретной области имеет двойственный характер: с одной стороны, происходит приращение знания в этой области, с другой стороны, специфика детализации размывает общность, даже если это общность одной научной дисциплины» [4, с. 38]. В итоге, «чем больше наука делится на подгруппы и чем слабее становятся связи между дисциплинами, тем более вероятно, что на основе утраты соответствующих связей замедляется общее развитие познания» [2, с. 109];

3) *третий предел познанию мира ставит неполнота языка как средства описания данного мира:* «Неполнота знаний о мире как универсуме согласуется с неполнотой лингвистического универсума как продукта, отражающего в статике эти знания» [4, с. 38].

В.А. Карпов не только обозначил указанные выше пределы человеческого познания окружающего мира и языка, но и предложил способ преодоления этих пределов. По его мнению, «выходом…, способствующим превращению неполноты знания в относительную полноту, может служить некоторая предельно общая теория, соединяющая в целостный объект ранее не связанные отдельные объекты» [4, с. 38]. В качестве такой предельно общей теории им было создано описание лингвистического универсума, который является системой систем, поскольку объединяет в себе 10 строго ранжированных разноуровневых универсумов-множеств (от множеств письменных культур, литератур, текстов, композиций, словоформ — до множеств морфем, букв, буквоэлементов, «первичных» элементов и субэлементов) [4, с. 43–45].

Сегодня лингвистический универсум В.А. Карпова позволяет нам выстроить иерархию стратегических целей в рамках отечественного языкознания. К примеру, совсем не случайно в качестве ядерного множества, синонимичного всему лингвистическому универсуму, в монографии В.А.

Карпова выступает множество текстов [4, с. 285, 287]. Именно с ним сегодня связано наибольшее количество предельных проблем не только в области корпусной лингвистики, но и в области литературоведения. Так, из недавно опубликованного учебного пособия профессора Н.Б. Мечковской «Философия языка и коммуникации» (2017) можно узнать о том, что «на сайтах Дмитрия Кравчука, самых крупных литературных сайтах Рунета, в 2006 г. было опубликовано более 3 млн произведений и зарегистрировано примерно 100 тыс. авторов… В 2009 г. счетчики сайтов Кравчука показали двукратное увеличение числа зарегистрированных авторов: примерно 200 тыс. человек; опубликовано более 7 млн текстов» [5, с. 433]. Трудно себе даже представить, сколько потребуется российским филологам десятилетий, чтобы освоить указанное выше литературное и языковое богатство.

Столь же богато на связанные с ним предельные проблемы и такое множество из лингвистического универсума В.А. Карпова, как множество композиций, в качестве первичных элементов которого выступают словоформы. По свидетельству В.А. Карпова, границы множества композиций в русском языке начала 1990-х гг. были весьма широки: «по неполным данным, наименования советских юридических лиц насчитывают около 1 млн, географические наименования (по данным картографов) — порядка 5 млн, номенклатура изделий, выпускаемых советской промышленностью, — около 10 млн» [4, с. 39–40]. Для сравнения: в результате издания в 2012 г. «Вялікага слоўніка беларускай мовы» Ф.А. Пискунова пределы доступного для белорусскоязычного читателя лексического материала расширились практически в два раза (со 110 тысяч реестровых единиц в «Слоўніке беларускай мовы» под редакцией Н.В. Бирилы (1987) до 223 тысяч заголовочных слов в словаре Ф.А. Пискунова).

На фоне указанных предельных величин, связанных с множествами текстов и композиций, совсем не впечатляют количественные пределы множеств морфем и букв (объем первого множества исчисляется сотнями, а объем второго — всего лишь десятками языковых единиц). Между тем, именно на множествах морфем и букв основывается недавно проведенная орфографическая реформа белорусского языка, на разработку которой академический Институт языкознания потратил немало дефицитного рабочего времени, столь недостающего для постановки и решения по-настоящему предельных проблем белорусской лингвистики (лексикографических, грамматических, терминологических и прочих).

Завершая рассмотрение вклада общей теории систем (в изложении В.А. Карпова) в решение предельных проблем лингвистики, хочу высказать следующее оценочное суждение: именно благодаря появлению в отечественном языкознании монографий «Язык как система» В.А. Карпова, «Язык как системно-структурное образование» В.М. Солнцева и ряда других книг и статей стала возможной такая поистине революционная ситуация, когда даже «языкознание, по-видимому, одна из самых консервативных наук» [1, с. 12], сегодня не чурается постановки предельных проблем, касающихся отдельных из его направлений. К примеру, современные российские языковеды сегодня не только активно обсуждают вопросы о том,

«что такое компаративистика и как она помогает восстанавливать историю языков, выходящую далеко за пределы письменной эпохи» [9, с. 12], но и пытаются «затронуть поистине взрывоопасный вопрос о том, каковы пределы этой дисциплины — насколько глубоко в языковое прошлое может проникнуть компаративист? Можно ли с помощью сравнительно-исторического метода «припасть к истокам» Языка как такового? Где заканчивается научный метод и начинается чистая интуиция, грозящая перейти сначала в околонаучную фантазию, а затем в антинаучное безумие? Существует ли на этот счет консенсус в лингвистическом сообществе, и если нет, то почему?» [9, с. 12].

В целях оценки научного таланта В.А. Карпова уместно будет привести мнение известного зарубежного физика-теоретика и популяризатора физических знаний Леонарда Млодинова об исследователях, умеющих ставить странные вопросы: «В науке, как и во всех других областях знания, навалом заурядных людей, задающих заурядные вопросы, и многие неплохо устраиваются в жизни. Но наиболее преуспевающие исследователи обычно — из тех, кто задает странные вопросы, такие, которые никто не обдумывал или не счел интересными. На беду этим людям, их считали и будут считать чудаками, эксцентриками или даже психами — пока не придет время считать их гениями» [6, с. 361]. Стремительное усложнение окружающего нас мира с необходимостью требует для себя столь же сложного, системного языкового описания. А это значит, что время, когда специалистов по системному изучению языка (таких, как Владимир Александрович Карпов) назовут гениями, уже не за горами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богушевич, Д.Г. Лингвистика перед новыми горизонтами // Современные иностранные языки: проблемы функционирования и преподавания: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. — Мозырь, 2011. — С. 12–13.
2. Боулдинг, К. Общая теория — скелет науки // Исследования по общей теории систем. — М., 1969. — С. 106–124.
3. Данченко, В. На подступах к Локайята Йоге (Эволюция сознания в документах: Часть вторая). № 20. — К., 1981 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.psylib.org.ua/books/danch01/107/index.htm. Дата доступа: 6.02.2017 г.
4. Карпов, В.А. Язык как система. — Минск, 1992.
5. Мечковская, Н.Б. Философия языка и коммуникации: учеб. пособие. М., 2017.
6. Млодинов, Л. Прямоходящие мыслители. Путь человека от обитания на деревьях до постижения мироустройства / Пер. с англ. — М., 2016.
7. Печенкин, А.А. Введение // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. 2-е изд. — М., 1996. — С. 5-17.
8. Солнцев, В.М. Язык как системно-структурное образование. — 2-е изд. — М., 1977.
9. Старостин, Г. Серьезное предисловие // К истокам языкового разнообразия. Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании с Е.Я. Сатановским. — М., 2016. — С. 12–14.
10. Стражев, В.И. Образование и наука в современном обществе. — Минск, 2004.
11. Церлюкевич, В.К. Человек, мышление и язык. — Гродно, 2016.